

Секция №6. Текст и дискурс как объекты гуманитарных исследований.

УДК 811.161.1'373.4

Щасливая Наталья Святославовна, аспирант кафедры русского языка Института иностранной филологии Национального педагогического университета имени Н.П.Драгоманова.

ИДИОСТИЛЬ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ Ю.НАГИБИНА В АСПЕКТЕ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ

В статье рассматриваются особенности идиостиля Ю.Нагибина, в частности, употребление прецедентных имен в автобиографическом дискурсе. Имея интертекстуальную природу, имена собственные отображают внутренний мир художника слова, вносят дополнительную коннотативную и эмоционально-экспрессивную окраску.

Ключевые слова: идиостиль, имя собственное, интертекст, прецедентное имя/текст.

ІДИОСТИЛЬ АВТОБІОГРАФІЧНОЇ ПРОЗИ Ю.НАГІБИНА В АСПЕКТІ ІНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТІ

У статті розглядаються особливості ідиостилю Ю.Нагібіна, зокрема, використання прецедентних імен у автобіографічному дискурсі. Маючи інтертекстуальну природу, власні імена відображають внутрішній світ митця, вносять додаткове конотативне та емоційно-експресивне навантаження.

Ключові слова: ідиостиль, власна назва, інтертекст, прецедентне ім'я/текст.

IDIOSTYLE OF AUTOBIOGRAPHICAL PROSE OF U.NAGIBIN IN INTERTEXTUAL ASPECT

The article examined the question about peculiarities of idiostyle usage of precedent names in autobiographical discourse by U. Nagibin. Having got the intertextual nature, proper names reflect the inner world of the artist. They also add extra connotative, emotional and expressive colouring.

Key words: idiostyle (individual style), proper name, intertext, precedent name/text.

Языковая личность – вот та сквозная идея, которая, как показывает опыт её анализа и описания, пронизывает и все аспекты изучения языка и одновременно разрушает границы между дисциплинами, изучающими человека вне его языка [7, с.3].

Индивидуальный стиль или идиостиль – это стиль писателя, в который включаются не только речевая сторона его произведений, но и тематика, проблематика, особенности мира произведений и под.

На практике данный термин используется применительно к художественным произведениям (как прозаическим, так и поэтическим); применительно к текстам, не относящимся к изящной словесности, в последнее десятилетие стал использоваться отчасти близкий, но далеко не тождественный термин «дискурс» в одном из его пониманий.

При всем многообразии подходов к изучению идиостиля писателя — семантико-стилистического, связанного с именами Б.А.Ларина, В.В.Виноградова, лингво-поэтического, представленного работами В.П.Григорьева, М.Л.Гаспарова, Ю.Н.Караулова, Н.А.Николиной, Н.А.Фатеевой и др., системно-структурного (см. исследования Ю.М.Лотмана, О.Г.Ревзиной, А.К.Жолковского), коммуникативного, реализованного в работах Н.С.Болотновой, И.Я.Чернухиной, и др. – отечественную лингвистику всегда отличало пристальное внимание к смысловой стороне художественной речи.

Цель настоящей статьи – рассмотреть идиостиль автобиографических повестей Ю.Нагибина в аспекте интертекстуальности.

Языковая личность как объект исследования сливается с личностью в самом общем, глобальном, социально-психологическом смысле, что закономерно, поскольку по определению языковая личность есть личность, выраженная в языке (текстах), и через язык, есть личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств [7, с.3].

Идиостиль конкретного автора определяется, во-первых, знанием того или иного языка культуры, во-вторых, стилем эпохи, степенью развития символического поля, выработанного жанрами эпохи. Язык, получающий свое материальное воплощение в конкретном идиостиле (в текстах), позволяет охарактеризовать индивидуальные особенности языковой личности автора.

«Каждый текст, созданный на том или ином языке культуры – это не просто система знаков, но это и форма души создателя» [3, с.11].

Особым статусом в лексическом наполнении художественного текста обладают имена собственные (именуемые иначе как онимы, ономастические единицы, проприальная лексика), которые чрезвычайно тонко фиксируют языковые симпатии автора при его создании. Диапазон их встречаемости в тексте автобиографического и публицистического характера оказывается таким значительным, что может составить предмет отдельного рассмотрения. Между тем, в имеющихся исследованиях текстового функционирования онимов индивидуально-авторский фактор учитывается весьма слабо, без должного внимания к его функции непосредственного репрезентанта, вскрывающего допустимые пределы варьирования онимов при выражении текстового содержания или текстовой информации.

Онимы оказываются самой удобной стратой лексики в силу своей особой выделяемости на фоне других слоев вокабуляра для отслеживания данного процесса, а именно того, как индивидуально-авторское применение онимов (в ряде случаев оказываясь исключительно новаторским) развивает приёмы вербального воплощения тех или иных текстовых феноменов. В этом смысле становится возможным заявить о соотношении традиционных приёмов лексического наполнения художественного текста с новыми решениями, появляющимися с течением времени в связи с эволюцией языковых явлений, в числе которых, в первую очередь, следует назвать текстовую номинацию, ответственную за выделение внеязыковых объектов, подлежащих вербализации на уровне текста [2, с.105].

Взаимовлияние художественного текста и имени собственного имеет двунаправленный характер: "С одной стороны, обозначая, единый денотат, имя собственное выполняет роль текстовой скрепы и наделено", таким образом, текстообразующей функцией. С другой стороны, имя собственное, по мере продвижения в тексте формирует собственно-семантическую структуру" [1]. Для литературных онимов, в отличие от ономастики общезыковой,

"коннотативное значение становится обязательным и часто выходит на первый план, обуславливая особый аспект функционирования имен собственных в художественной литературе" [4].

Сегодня имена собственные (ИС) представляют собой своеобразную лексико-грамматическую категорию, которую можно исследовать в разных аспектах: в языке и речи, в диалектной и литературной сферах. За последнее время особенно усилился интерес к специфике ономастики разных родов литературы – эпического, драматического, лирического. Это связано с тем, что собственные имена в художественном тексте имеют определенную специфику. Подобно другим средствам языка, собственные имена, будучи использованными в контексте художественного произведения, начинают жить и восприниматься в "сложной и глубокой образной перспективе-перспективе художественного целого" [5, с.18-20]. Писатель употребляет собственные имена в соответствии со своим творческим методом и конкретными идейно-художественными задачами, стоящими в том или ином произведении.

Характеризуя ономастическое пространство документально-публицистических текстов Юрия Нагибина с точки зрения их интертекстуальной природы, следует отметить, что наиболее выразительно данный слой лексики представлен именами собственными-антропонимами.

Эксплицитное выражение прецедентных текстов (ПТ), которые находятся в дискурсе языковой личности, в данном случае Ю.Нагибина, «семиотически» (Караулов), через систему ИС, осуществляется также с помощью актуализации в тексте прецедентного имени (ПИ), прецедентного высказывания (ПВ) и ситуации (ПС). **Задача** данной статьи – проиллюстрировать актуализацию ПТ с помощью собственных имен.

Согласно высказыванию Ю.Караулова, посредством введения ИС в коммуникативном пространстве актуализируется представление о денотате или сигнификате, а в сознании личности «актуализируется представление о соответствующем явлении» [7, с. 218].

Типичным способом репрезентации ПТ посредством введения ИС в ткань нового текста является ссылка на автора произведения, ср.: «*В одном Пушкине таятся такие глубины, что не хватает жизни добраться до дна*» [8] – в этом случае актуализируется представление о творчестве А.С.Пушкина, о его значении для русской литературы и культуры в целом. В высказывании «*Как непрогляден был ранний Пастернак и как прозрачен, родниково прозрачен стал он в последних песнях*» акцентируется внимание на разграничении творчества поэта раннего и позднего периода. В повести «Счастличик Хейли» Ю.Нагибин утверждает, что некоторые читатели «*...ценят Хейли лишь за обилие информации. Это культурные читатели, проведавшие, что склонность к Хейли — признак не очень взыскательного вкуса, а любить надо Апдайка или Чивера. Нет сомнения, что Апдайк и Чивер куда более глубокие писатели, нежели Артур Хейли, но, мне думается, человеческое сердце так просторно, что в нем может найтись свободный уголок и для Хейли, если не отказывать ему предвзято в праве на постой*». Автор сравнивает работы Артура Хейли с творчеством Апдайка и Чивера.

Особую группу составляют литературные антропонимы и топонимы как имена художественных объектов, созданных воображением писателя (Фонякова), поскольку вероятность их прецедентности практически стопроцентна. Так, например, отрывок из повести Ю.Нагибина «Островитянин (Сон о Юхане Боргене)» свидетельствует о подсознательном желании автора ассоциировать норвежцев с прецедентными образами персонажей норвежской литературы: «*И я[Ю.Н.] понял, что все-таки нашел Глана на этой земле. И Эдварду. Но как ни крути, а при множестве встреч один Глан и одна Эдварда — маловато. А где же строитель Сольнес, кинувшийся с верхушки возведенной им башни, которая мне почему-то представляется силосной, где демоническая Геда Габлер, все время помнившая о пистолетах своего отца-генерала, где бунтарка Нора, где мятущийся Пер Гюнт, где Нагель, так мощно заряженный страданием, где вообще все прекрасные и странные герои великой норвежской литературы? Должны же быть у них прообразы». Представленные*

фиктонимы проецируются в сознании реципиента одновременно и на ПТ («Господин» Гамсуна Кнута, «Строитель Сольнес» Генрика Ибсена, драматическую поэму Генрика Ибсена "Пер Гюнт"), и на норвежскую литературу в целом. Универсально-прецедентный уровень интертекстуальных вкраплений позволил автору оставить данные средства без дополнительной атрибуции. В ряде случаев Юрий Нагибин перестраховывается, вставляя ссылку-референцию на произведение и/или его автора, ср.: *«В памяти оживает диковатый Юджин, герой романа Томаса Вульфа «Взгляни на дом свой, ангел», тоже окрашенного автобиографичностью»*. В тексте антопонимы Вилфред и Юджин аксиологически синонимизируются. Возникает своеобразное «наслоение» образов, которое вызывает эмоционально-эксперессивный всплеск. Как видим, представленные фиктонимы выполняют не столь номинативную, сколько коннотативную функцию.

Такой же функциональной нагрузкой обладают и ИС-фиктонимы из сферы кинематографа, которые широко представлены в повести Ю.Нагибина «Возвращение Акиры Куросавы»: *« ... молодежь — это самый главный потребитель кино. И молодежь голосовала иеной за вестерн или американский детектив против фильма из японской жизни, за бритоголового Юла Бриннера против Мифуне, за Форда против Куросавы, за ослепительного Джеймса Бонда против рыбаков Хоккайдо или жителей песчаных дюн, за полуголую Лиз Тейлор против скромной, наивно-чистой Юрико Асаока, за секс, за право кулака, за стрельбу, за кровь, <...> — словом, против всего, чем значительно японское кино и лидер его — Куросава. Всего лишь шестьсот тысяч зрителей одарили вниманием горестные символы Куросавы. <...> На фильмы с вампиром Дракулой, на обновленного и малоудачного Джеймса Бонда, на вестерны «второй свежести» с тучным Уэйном ходит в десять, в двадцать раз больше зрителей. Онимы в тексте вступают в оппозиционные отношения. Важно отметить, что в качестве дополнительной атрибуции к интертекстуальным ИС выступают определения бритоголовый (о Юле Бриннере), ослепительный, обновленный, малоудачный (о Джеймсе Бонде), наивно-чистая (о Юрико*

Асаоке) и под., которые способствуют развертыванию смысла и передают авторское отношение к персонажам.

Для прозы Ю.Нагибина характерны ссылки на интертекст: в текст вводятся онимы – имена главных персонажей прецедентных текстов. При этом уровень прецедентности может быть самым разнообразным. В качестве обобщенного термина Ж.И.Дергилева предлагает термин «культурные имена», объединяющий ПИ (Евгений Онегин) и исторические имена (Сталин)[6]. Исследовательница вводит понятие художественного антропоконцепта, справедливо полагая, что имя героя классического произведения становится своеобразным концептом, сопряженным с самым классическим произведением и его автором. Представленные выше ИС репрезентируют национально-прецедентный уровень интертекстуальности.

Универсально-национальный уровень прецедентности представлен антропонимом *д'Артаньян*, который аллюзийно указывает на предтекст А.Дюма: *«... бессмертный д'Артаньян в исходе двадцатого века одерживает победы едва ли не более блистательные, чем при жизни своего создателя, он покори́л театр, кино, оперетту, балет, и по-прежнему хорошие мальчишки, обещающие стать настоящими мужчинами, берут в руки шпагу д'Артаньяна»*. ИС-фиктовыми *Эркюль Пуаро* и *мисс Марпл*, на наш взгляд, также можно отнести к универсально-прецедентным феноменам: *«... истории про Эркюля Пуаро и мисс Марпл окрашены неповторимой авторской интонацией, за ними отчетливо ощущается оригинальная личность их творца, стыдливо прячущаяся от читателя и оттого еще более интригующая»*. В этом случае далее следует атрибуция: *«Агата Кристи интересовала всех, мало кого из знаменитостей так осаждали журналисты, интервьюеры и просто любопытные, как эту ненавидевшую шумиху скромную пожилую даму, затворницу и преданную жену»*.

Некоторые ПИ можно интерпретировать как интексты национально-социумного уровня, так как специфика претекстов обуславливает круг читателей. Возьмем к примеру фиктоним Эмануэль. Ю.Нагибин вводит это ИС,

описывая случай, когда долгое время ему не удастся найти голландского писателя Боба ден Ойла в «не так уж необъятной современной Голландии» и сетует на *«разобщенность западных людей. Правда, все без исключения, - замечает Нагибин, - знают Гуго Клауса, автора скабрёзных романов, недавно увенчавшего свою блистательную деятельность на ниве порнографии бракосочетанием с Сильвией Кристаль, исполнительницей роли Эмануэль – героини серии одноименных секс-фильмов»* (Боб, с.6). Автор выражает свое отношение к героям повествования посредством иронии и антитезы.

В автобиографической прозе Юрия Нагибина широко представлены ИС-фиктонимы, которые являются именами персонажей нагибинских героев. Нагибин сознается, что всегда прежде всего «интересуется элементами личного в произведениях писателя». Предполагаем, что именно поэтому при написании очередной автобиографической повести автор, параллельно с характеристикой героев, анализирует их произведения, зачастую отождествляя их с их же персонажами, как, например, в повести «Голландия Боба ден Ойла»: *«Время после войны наступило очень деловое, энергичное и коммерческое, и Боб чувствовал себя в нем одиноко. <...> Он стал мелким служащим, вроде Яхека, одним из тех, о ком так интересно писать, но кем так неинтересно быть»*(Боб, с.10). Наряду с биографическими данными Боба ден Ойла, Ю.Нагибин имплицитно представляет образ своего героя, откровенно подсказывая читателю, что для понимания образа Боба нужно обратиться к его персонажу из «Крабов в консервной банке». В.К.Харченко и Е.М. Черникова, рассматривая подобные примеры «виртуальных» имен героев литературных произведений, пишут о проекции ИМЯ – МЕТАФОРА. Речь идет «о презумпции похожести, идеале, поведенческом образце» [10, с.76]. Проекция ИМЯ – МЕТАФОРА соотносима с теорией прецедентного имени. Как отмечает С.Н. Смольников, только семантика актуальных антропонимов содержит предпосылки для использования имени в качестве прецедентного [9, с.31]. Соотнесение «автора с его персонажем» является характерной чертой идиостиля Юрия Нагибина. Данный прием наблюдается практически во всех исследуемых текстах (как

было проиллюстрировано выше, Боб ден Ойл – это Яхек, Юхан Борген – это Вилфред, Маленький лорд, причем Нагибин подчёркивает, что *«Борген не перевоплощался в Маленького лорда, он и есть Маленький лорд»*, Акира Куросава соотносим с персонажем Арсеньева – Дерсу Узала).

Таким образом, ИС создают проекции на отдельные прецедентные тексты и прецедентные тексты, которые отождествляются с творчеством писателя в целом. ИС могут быть представлены на универсально-, национально-, и социумно-прецедентном уровне и являются именем автора ПТ, ИС-фигуриком («культурным» именем) или именем персонажа одного из нагибинских героев.

Интертекстуальный антропонимикон Юрия Нагибина отображает весь объем фоновых знаний, индивидуальный жизненный опыт художника слова и является «визитной карточкой» писателя.

Источники и литература

1. Бакастова Т. В. Имя собственное в художественном тексте // Русская ономастика. Сб. научных трудов. – Одесса, 1984. – С. 157–160.
2. Бирюкова О.А. Textoобразующие функции имен собственных в аспекте идиостиля: на материале коротких англоязычных рассказов XX века // Дис. ... канд. филол. наук. – Саранск, 2009. – 209с.
3. Бразговская Е.Е. Текст в пространстве культуры («Sny. Ogrody. Sérénité» Ярослава Ивашкевича): Монография. – Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2001. – 114 с. дисс 25
4. Буштян Л. М. К проблеме фонетической коннотации собственных имен в поэзии // Русская ономастика. – Одесса, 1984. – С.118–124.
5. Виноградов В.В. Язык художественного произведения // Вопр. языкознания. – 1954. – № 5. – с.18-20
6. Дергилева Ж.И. Художественный антропоним в лингвокультурологическом представлении // Автореф дисс. ... канд. фил. наук. – Белгород, 2008. – 22с.
7. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Отв. ред. Д. Н. Шмелев. – М.: Наука, 1987. – 264 с. Кар.104, с. 218
8. Нагибин Ю.М. Берендеев лес. М., «Советский писатель», 1987. – 512 с.
9. Смольников С.Н. Антропонимия в деловой письменности Русского севера XVI-XVII вв.: Функциональные категории и модальные отношения. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун.-та, 2005. – 256 с.
10. Харченко В.К., Черникова Е.М. Лингвогенеалогия: Имя собственное в жанре семейных родословных. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 192 с.